

Маракуйя, а не протест

Елена Шмелева,
кандидат филологических наук

В конце года принято подводить итоги. Подводят итоги и филологи, выбирая слово года. Слова, которые выдвигаются на конкурс, обязательно возникают именно в данном году, но они должны отражать его специфику, воплощать его дух. Список кандидатов — слов и выражений, отражающих новизну, своеобразие, исторический смысл времени, — составляется по предложениям двух с половиной тысяч участников групп «Слово года» и «Неологизм года» в Facebook. (Можете вступить в одну из этих групп и выдвигать в

будущем году своих кандидатов.) Затем экспертный совет, членом которого я имею честь быть, выбирает самые емкие и яркие слова, характерные для года.

В России выборы слова года проводятся уже в тринадцатый раз начиная с 2007 года. Поскольку слово года выбирают также в Германии, США, Великобритании, Польше, Японии, Австралии и других странах, конкурс позволяет не только подвести итог года, но и сравнить, идем ли мы своим, особым путем или нас волнуют те же проблемы, что и весь мир. В какие-то годы наши интересы совпадали: например, в 2008 году в России, как и в ряде других стран, словом года было слово кризис, в 2015 году — беженцы, а в 2016-м — Брексит. Но в целом мы гораздо более политизированы, чем наши соседи.

И если в 2011 году русским словом года была названа аббревиатура РосПил, в 2012-м — Болотная, 2013-м — Госдура, в 2014-м — Крымнаш, в 2017-м — реновация, в 2018-м — Новичок, в английском языке победителями чаще становились слова, связанные с интернетом или с экологией: post-truth — постправда, fake-news — фейки, single-use — одноразовый, pomophobia — боязнь остаться без телефона.

В 2019 году, как и следовало ожидать, в мире основной обсуждаемой темой стала экология, поэтому победителями слова года стали выражения climate strike — климатический протест, climate emergency — климатическое ЧП, upcycling — вторичное использование, а также местоимение they — они, которое теперь используется и по отношению к одному человеку, чья гендерная принадлежность небинарна. Сравните с результатами российского конкурса «Слова года»-2019. Слово года: 1. Протест. 2. Допускай! (к выборам). 3. Пытки (заклученных). Выражение года: 1. Московское дело. 2. Клоачный язык. 3. Я/Мы (плюс имя). Антиязык (язык пропаганды, лжи, агрессии): 1. Иностраный агент. 2. Пещерные русофобы (В. Путин). 3. Глубинный народ (В. Сурков). Как пишет организатор конкурса философ и культуролог Михаил Эпштейн: «В прошлом, 2018 году, тремя ведущими мотивами были: а) пенсия и пенсионная реформа; б) гибридная война и противостояние с Западом; в) мотив яда, отравления, токсичности — как в прямом, так и в переносном смысле. В 2019 году выделяется как, безусловно, самый значимый, статистически преобладающий мотив протеста, противостояния власти и общества».

Но мне не хочется закончить год на такой грустной ноте. Несколько лет тому назад все потешались над фразой девушки Светы из Иваново, которая снялась в ролике в поддержку «Единой России»: Мы стали более лучше одеваться. (Я уверена, что вы и так знаете, но на всякий случай напомню, что комический эффект придает этой фразе соединение двух сравнительных степеней — более и лучше; нужно было бы сказать: Мы стали лучше одеваться или Мы стали более хорошо одеваться.) Но, как это ни удивительно, русский язык конца XX — начала XXI века показывает, что мы действительно стали и лучше одеваться, и лучше питаться. Нас обычно раздражают новые заимствования, но они ведь не появляются в языке ни с того ни с сего, история слов тесно связана с культурой и историей народа. Заставляет императрица Екатерина русских крестьян сажать картошку, без которой нельзя сейчас пред-

ставить себе нашу кухню, и русский язык заимствует из немецкого слово картофель, стали русские мужчины одеваться на европейский манер, и появились в русском языке слова фрак, жилет, брюки, галстук (а еще во времена Пушкина их не было, помните: Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет). То, что названия многих привычных нам блюд имеют французское происхождение — бульон, котлета, пюре, компот, свидетельствует о том, что именно французская кухня, приехавшая в Россию XIX века вместе с французскими поварами, постепенно из дворянской высокой кухни стала обычной русской едой. Недаром имя французского повара Оливье вошло в русский язык и стало названием традиционного русского салата (кстати, и название другого нашего традиционного блюда — винегрет — тоже французского происхождения: vinaigrette — это винный уксус, хотя мы и не добавляем уксус в винегрет). Конечно, свой вклад в нашу кухню внесли не только французы, но и немцы с бутербродами, и итальянцы с макаронами, и угро-финны с пельменями, и англичане с кофе, и китайцы с чаем. Но это все старые заимствования, а в советское время из-за железного занавеса ни сами продукты и блюда, ни их названия к нам почти не добирались. А что едят и пьют в других странах, советские люди могли узнать из иностранной литературы. Правда, переводчики этих книг иностранных авторов — такие же советские люди, как мы все, не всегда понимали, что же имелось в виду. Режиссер Олег Дорман, снявший прекрасный фильм про переводчицу Лилианну Лунгину, рассказывал, как в молодости, когда он еще был учеником ее мужа Симы Лунгина, они вместе сидели на кухне и писали сценарий. И тут к ним зашла Лилианна, переводившая что-то в соседней комнате, и сказала: «Там у героя какой-то гамбургер, не знаю, что это такое. Он его несет по аэропорту». Сима предположил: «По-моему, это плащ». «Так и напишу, — сказала Лилианна. — Он перекинул гамбургер через руку». Через некоторое время она снова вошла и изумленным голосом сообщила: «Он его съел». А сейчас любого ребенка спроси, что такое гамбургер, и он вам объяснит. Конечно, вы мне можете сказать, что, может, лучше, чтобы наши дети не пробовали эту вредную еду, но я уверена, что лучше знать, что это такое, поскольку запретный плод сладок. Недаром даже кока-кола казалась советским людям волшебным напитком и ассоциировалась с роскошной жизнью. Интересно, что среди названий блюд, в отличие от, например, названий новых технических приспособлений, не так много слов, заимствованных из американ-

«Там у героя какой-то гамбургер, не знаю, что это такое. Он его несет по аэропорту». Сима предположил: «По-моему, это плащ». «Так и напишу, — сказала Лилианна. — Он перекинул гамбургер через руку»

ского варианта английского языка. Очень популярные сейчас суши — заимствование из японского языка, шаурма (или, как говорят в Петербурге, шаверма) и фалафель — из арабского, кебаб — из турецкого. Я уж не говорю об итальянской пицце и разных видах итальянского кофе — эспрессо или капучино (кофе с капюшоном (cappuccino) из молока). Конечно, иногда мода на заимствования приводит к тому, что новыми словами называют известные нам блюда. Так, Максим Кронгауз обратил внимание на то, что биточки, которые нам еще в детстве готовили бабушки, в ресторанах стали называть митболами (мясными шариками).

Но все-таки в подавляющем большинстве случаев новые слова действительно отражают новые реалии нашей жизни. И это касается не только новых блюд, но и новых продуктов, появившихся в наших магазинах. Я хорошо помню, как у нас в магазинах появились йогурты и кетчуп, и мы узнали эти слова. Я думаю, что мои внуки не поверят, что совсем недавно их не было в нашей повседневной речи. А еще я недавно прочитала статью моих коллег, посвященную названиям овощей и фруктов. Чтобы выяснить, каких слов не хватает в толковом словаре современного русского языка, авторы статьи проводили опрос, участников которого попросили написать, какие экзотические плоды они когда-либо покупали или пробовали. Сводный список получился довольно длинным: авокадо, манго, киви, лайм, нектарин, маракуйя, помело, личи! Я думаю, что вы со мной согласитесь, что такие вкусные заимствования нам не помешают, пусть их в будущем 2020 году будет еще больше, а собственных или заимствованных выражений языка вражды и ненависти — как можно меньше.